

6. Плещенко Т. П. Стилистика и культуры речи : [учеб. пособие] / Плещенко Т. П., Федотова Н. В., Чечет Р. Г. ; под ред. П. П. Шубы. – Мн. : ТетраСистемс, 2001. – 544 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com>.
7. Пуанкаре А. О науке / А. Пуанкаре ; [ред., пер. Л. С. Понтрягин]. – М., 1983. – 561 с. – Режим доступа: <http://rutracker.org/>
8. Теля В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В. Н. Теля // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С. 5-36.
9. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы : [учеб. пособ. для студентов пед. ин-тов] / Леонид Иванович Тимофеев. – [5-е изд.]. – М. : Просвещение, 1976. – 447 с.
10. Тимофеева О. В. Метафора в художественной репрезентации мира (на материале произведений английских и американских писателей): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филологических наук : спец. 10.02.19 “Теория языка; Филологические науки” / Ольга Вячеславовна Тимофеева. – Москва, 2011. – Режим доступа: <http://ens.mil.ru/science/publications/>
11. Galsworthy J. The Apple Tree / John Galsworthy // English Story. – Moscow : Manager, 2000. – P. 3-77.
12. Jerome K. Jerome Three Men in a Boat / Jerome K. Jerome. – Penguin Popular Classics, 1994. – 185 p.
13. Wilde O. The Picture of Dorian Gray / Oscar Wilde. – Penguin Popular Classics, 1994. – 256 p.

Ананьян Э. Л. Художественно-эстетические и экспрессивно-эмотивные потенции авторской метафоры (на материале англоязычной художественной литературы).

В статье раскрыта сущность художественно-эстетических и экспрессивно-эмотивных потенций индивидуальной метафоры в контексте англоязычного художественного текста. Обоснована ключевая позиция метафоризации в процессе презентации авторской интенции и эстетического идеала писателя.

Ключевые слова: авторская (индивидуальная) метафора, троп, стилистический прием, художественный текст, эмотивная проза, образ, художественно-эстетические потенции, экспрессивно-эмотивные потенции, авторская интенция, эстетический идеал автора.

Ananyan E. L. Artistic and aesthetic, expressive and emotive potentiality of the author's metaphor (on the example of english-language fiction).

In the article the essence of artistic and aesthetic, expressive and emotive potentiality of the individual metaphor in the context of the English-language piece of fiction is revealed. The key status of metaphor-creating in the process of author's intention and writer's aesthetic ideal presenting is substantiated.

Keywords: author's (individual) metaphor, trope, stylistic device, piece of fiction, emotive prose, image, artistic and aesthetic potentiality, expressive and emotive potentiality, author's intention, writer's aesthetic ideal.

Адолина Л. В.

Севастопольский городской гуманитарный университет

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАУЧНОГО И ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

У статті розглядається проблема розмежування повсякденної та наукової свідомості.

Ключові слова: повсякденна свідомість, наукова свідомість, когнітивна лінгвістика.

Актуальность исследования. Проблема соотношения обыденного и научного сознания из числа философских и психологических перешла в лингвистическую, что связано с изучением в когнитивной лингвистике категории сознания, организации и

структурирования в нем знания. Безусловно, не вызывает сомнения утверждение, что обыденное и научное сознание имеют множество различий, как “не вызывает сомнения предположение о том, что знания, входящие в содержание обыденного сознания, и знания научные различаются между собой” [2, с. 5]. Однако специальных исследований, посвященных сопоставительному анализу информационных тезаурусов обыденного и научного сознания, не существует. Актуальность работы обусловлена необходимостью систематизировать имеющиеся в современной науке подходы и способы изучения обыденного и научного сознания и их языковой фиксации.

Цель данной статьи – рассмотреть сходства и различия обыденного и научного сознания с точки зрения лингвистики.

Состоящее из трех больших компонентов: науки, идеологии и профессионального искусства, научное сознание является высшей формой познания. Оно раскрывает сущность, глубинные причины, а главное – объективные законы действительности.

В современном обществе наука в своей системной целостности является: во-первых, одной из значительных форм общественного сознания; во-вторых, системой знаний о мире; в-третьих, формой социальной деятельности людей; в-четвертых, непосредственной производительной силой общества; в-пятых, важнейшей частью научно-теоретической революции и научно-технического прогресса; в-шестых, материальной и духовной основой культуры.

Безусловно, научное сознание нельзя рассматривать вне теоретического знания. Исследуя науку в ее историческом развитии, можно обнаружить, что по мере изменения типа культуры меняются стандарты изложения научного знания, способы видения реальности в науке, стили мышления, которые формируются в контексте культуры и испытывают воздействие самых различных ее феноменов, в том числе и обыденного сознания. Считается, что научное сознание, несмотря на более позднее появление, является отражением большей по своему объему действительности, дает более глубокое отражение бытия, основательное осознание интересов и стремлений людей. С другой стороны, научное сознание не может полностью заменить обыденное сознание. Конечно, наука может изучать все в человеческом мире, но в особом аспекте – аспекте предметности.

Границы обыденного сознания необозримы. Все, что ускользает из поля зрения научного сознания, компенсирует обыденное, включающее в себя другие формы постижения мира – практический опыт, собственные наблюдения, религиозные убеждения, верования, нравственные стереотипы, житейскую мудрость, мораль и т.д. Обыденное сознание лишено различных математических доказательств. Достоверность представленных в обыденном сознании знаний проверяется в быту, повседневной практике. Именно обыденное сознание является источником и базовой основой для научного. В научном сознании все теоретические построения подтверждаются практическими исследованиями. Обыденное сознание – это

“исторически возникшая форма отражения действительности, своеобразная организация знаний, которые характеризуются конкретностью, нерасчлененностью, переплетением истинных и ложных представлений, установлением чаще всего случайных связей между вновь обнаруженными и уже известными явлениями” [2, с. 7-8]. Наличие столь противоречивых черт в обыденном сознании объясняется переплетением, в нем различных познавательных форм: знания, убеждения, предположения, веры, сомнения. Обыденное сознание, как самый древний вид сознания, представляет собой непосредственное отражение действительности в сознании человека, которое, однако, не отражает сущности ее объективных законов, а фиксирует лишь отдельные факты и явления своего общественного бытия, так как “человек создает в процессе познания ментальный мир, который является одновременно и объективным миром, поскольку порожден объективной действительностью, и субъективным – собственно миром человека, рожденным на базе его субъективного опыта” [6, с. 3]. В то же время это самый естественный уровень отражения действительности. Научное сознание также может быть направлено на приспособление к среде, либо на ее преобразование. “Очевидно, что в первом случае ценность знания как инструмента действия минимальна, ибо человек пытается вписаться в гармонию окружающего мира, во втором – максимальна, поскольку человек старается преобразовать, изменить мир в соответствии со своими потребностями, установить контроль над природой и обществом” [7, с. 85]. Одним из основных элементов содержания научного и обыденного сознания являются убеждения. Причем, “если в одних случаях под убеждением понимается процесс выработки, формирования некоторого феномена сознания, то в других термин “убеждение” служит для выражения результата этого процесса, представляющего уже сложившийся элемент (или же состояние) сознания личности” [2, с. 40-41]. Как специфический феномен сознания А. К. Козырева рассматривает веру, различая два ее вида: вера, связанная с убеждением, и вера, связанная с религией. По словам исследователя, “вера, в отличие от знания, является не гносеологическим, а социально-психологическим феноменом, имеющим, правда, свою особую гносеологическую природу. Поэтому проблема веры и знания должна рассматриваться не только в гносеологическом, но, прежде всего, и, главным образом, в социально-психологическом ключе” [3, с. 133]. Вера – компонент обыденного сознания – в значительной мере отличается от веры ученого в результат познания, в выдвигаемую гипотезу. Являясь сложным структурным образованием, обыденное сознание включает в себя: 1) эмпирические знания – о погоде, природе, повадках животных, орудиях труда, болезнях человека и способах их лечения, то есть знания, необходимые человеку для жизни и трудовой деятельности; 2) общественную психологию – представления народных масс о своем положении, потребностях и интересах: к ним относятся чувства, привычки, иллюзии, моральные и обыденные нормы житейского поведения; 3) народное художественное творчество – фольклор (песни, танцы, былины, сказания, пословицы, поговорки и т.д.).

Состав обыденных знаний, таким образом, очень многообразен. В нем находят отражение все области реальности: природа, общество, человеческая жизнь во всех ее разнообразных объективных и субъективных проявлениях. Они включают в себя всю “совокупность нравственных, правовых, политических, эстетических, философских представлений и ценностных ориентаций” [2, с. 11]. Носителями обыденного сознания, возникающего в ходе повседневной практики как отражение (и в этом смысле осознание) природной и общественной действительности, собственных интересов и стремлений, являются как отдельные личности, так и массы людей. Обыденное сознание является необходимым, закономерным этапом в развитии общества, отражающим обыденную жизнь народа постоянно и непосредственно. Обладающее такими качествами, как полнота и цельность ощущения, обыденное сознание самоценно, самодостаточно и не является каким-то искусственным образованием. Современное обыденное знание является, как правило, венаучным, но не донаучным. Следует также сказать, что существует целый ряд областей (и материального мира, и сознания человека), которые в силу различных причин еще не стали достоянием научного сознания (например, многие области быта, воспитания, внутрисемейных отношений). В этих случаях обыденное сознание как бы предшествует сознанию научному. Обыденное сознание носит разнонаправленный и противоречивый характер. Его отличительной чертой является стихийно–эмпирический метод познания. “Будучи регулятором повседневного человеческого поведения, обыденное сознание представляет собой...форму осмысления накопленных, но не всегда рационально освоенных знаний, которые могут быть итогом непосредственного личного жизненного опыта и, в целом, не зависят от научно–теоретической мысли, не отменяются с ее развитием, хотя в чем–то и могут корректироваться опытом науки или специализированной практики” [1, с. 10]. “Стремление изучать объекты реального мира и на этой основе предвидеть результаты его практического преобразования свойственно не только науке, но и обыденному познанию, которое вплетено в практику и развивается на ее основе” [5, с. 45]. Научное же сознание изучает не только исторически сложившиеся на данном этапе объекты, но и ставит своей целью прогнозирование их возможных изменений в будущем.

Обыденные представления часто противоречат научным, но и те и другие являются определенной формой выражения объективного мира. Фактам обыденного сознания свойственна низкая степень упорядоченности. Для них характерна фрагментарность и эпизодичность. Лишь в определенных случаях обыденные знания могут приближаться к некоторой системе. Научное сознание является систематизированным: научные знания, в отличие от обыденных, представляют собой целостную систему, поскольку наука – органическое единство знания. На уровне научного сознания апелляция к отдельно взятому факту никогда не рассматривается как достаточный аргумент. Научные данные должны быть воспроизводимыми, доказательными. Факт становится научным только после того, как определяется его место в системе определенной научной теории. Само появление научного

сознания связано с потребностью человека в целенаправленном познании – когда “существует, во-первых, социальный запрос на объективные знания; во-вторых, социальная возможность выделения особой группы людей, чьей задачей становится ответ на этот запрос; в-третьих, начавшееся разделение труда внутри этой группы; в-четвертых, накопление знаний, навыков, познавательных приемов, способов символического выражения, ориентации в общественном сознании, которые подготавливают революционный процесс возникновения и распространения нового вида знаний – объективных общезначимых истин науки” [4, с. 9]. Новизна знания о том или ином явлении, процессе – это одна из отличительных особенностей научного сознания, в то время как факты обыденного сознания представляются новыми лишь для данного индивида или какой-то социальной группы.

В то же время для двух типов сознания характерно много общего. Например, отличительной особенностью данных видов сознания является то, что они проявляются как в мышлении отдельного человека (индивидуальное сознание), так и коллектива (коллективное сознание). Научному и обыденному сознанию свойственна оценочность. В научном сознании для различных элементов знания разрабатывается соответствующая шкала оценок, определенный стандарт. В обыденном познании предметный, оценочный и оперативный аспекты неотделимы. С нашей точки зрения, в обыденном сознании происходит не только осмысление мира, знаний о мире, переживания мира человеком, но и оценка тех или иных его событий, отношение человека к ним. Для обыденного сознания характерно субъективно-оценочное отношение к объекту отражения, что фактически недопустимо в научном. В обыденном и научном сознании присутствуют стереотипы, выступающие в качестве установки, через которую преломляется весь последующий опыт. Стереотипы являются обобщением многовекового практического опыта человека. Обеспечивают оптимальное ориентирование в явлениях окружающей действительности. Основу научного стереотипа составляет рациональная часть.

Обобщая наши сравнения обыденного и научного сознания, отметим, что они имеют множество сходств и отличий. Являясь достаточно древними образованиями, научное и обыденное сознание отражали изменения в обществе, культуре, политике, экономике и т.д., поэтому не только веками противостояли, но и влияли друг на друга. Изменение типа культуры оказывало влияние и на обыденное, и на научное сознание.

Таким образом, различия обыденной и научной форм сознания могут быть представлены в следующих аспектах:

- по способу познания: научное является теоретическим, обыденное – практическим, однако и то, и другое – проверяемо: обыденное – жизненным опытом, а научное – научным экспериментом;
- по степени объема отражения действительности: обыденное сознание – безгранично и многомерно, научное – ограничено рамками научного направления и узкоспециализировано;

- по степени доказательности: обыденное не нуждается в доказательстве, научное, как правило, доказательно;
- по степени отвлеченности: обыденное – конкретно, научное – абстрактно;
- по степени распространения: носителем обыденного сознания является каждый человек, научного – узкий круг специалистов;
- по структурированности: научное упорядочено, структурировано и систематизировано; обыденное – не упорядочено, не структурировано, эпизодично и фрагментарно;
- по применяемому языку: научное употребляет в совокупности искусственный и естественный языки, а обыденное – только естественный;
- по степени рациональности: обыденное иррационально, научное – рационально;
- по степени оценочности: научное объективно – оценочное, обыденное – субъективно-оценочное;
- по согласованности знаний: обыденное противоречиво, разнонаправленно, научное – однонаправленно;
- по объекту сознания: научное и обыденное сознание могут быть как коллективным, так и индивидуальным.

Л и т е р а т у р а :

1. Гусев С. С. Обыденное мировоззрение: Структура и способы организации / С. С. Гусев, Б. Я. Пукшанский. – СПб. : Наука, 1994. – 86 с.
2. Дубинин И. И. Динамика обыденного сознания / И. И. Дубинин, Л. Г. Гусякова. – Минск : Университетское, 1985. – 135 с.
3. Козырева А. К. Вера и знание / А. К. Козырева. – Ученые записки. – Л. : Ленингр. пед. ин-т, 1973. – Т. 444. – Вып. I. – С. 133.
4. Наливайко Н. В. Гносеологические и методологические основы научной деятельности / Н. В. Наливайко. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 119 с.
5. Степин В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М. : Прогресс–Традиция, 2000. – 744 с.
6. Чернетских Т. И. Лексико-семантическая группа “жилище” как репрезентант фрагмента региональной картины мира (на материале Словаря русских говоров Алтая). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т. И. Чернетских. – Барнаул, 2000. – 18 с.
7. Яковлев В. А. Бинарность ценностных ориентаций науки // Вопросы философии / В. А. Яковлев. – 2001. – № 12. – С. 77-86.

Адоніна Л. В. Проблема співвідношення повсякденної та наукової свідомості.

У статті розглядається проблема розмежування повсякденної та наукової свідомості.

Ключові слова: повсякденна свідомість, наукова свідомість, когнітивна лінгвістика.

Adonina L. V. The problem of division of everyday and scientific consciousness.

The article deals with the problem of division of everyday and scientific consciousness.

Keywords: ordinary consciousness, consciousness science, cognitive linguistics.